

Научная статья
УДК 347.91/.95

EDN: PDQTDY

Статья опубликована на условиях лицензии
Creative Commons Attribution 4.0
International License

АРБИТРАЖНЫЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ В СИСТЕМЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ: СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС ПРАВОВОГО СТАТУСА И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Евгения Валерьевна УДАЛОВА

Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Россия
evaffo@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы обоснована, тем, что эффективность института банкротства в России напрямую зависит от деятельности арбитражного управляющего. В условиях беспрецедентного роста числа дел о несостоятельности (более 430 тыс. в 2023 г.) и глубоких законодательных реформ 2023–2025 гг. его правовой статус переживает системный кризис. Цель исследования – комплексный анализ причин кризиса правового статуса арбитражного управляющего в условиях роста числа дел о банкротстве и разработка концепции его реформирования.

Исследовательскую базу работы составляют Федеральный закон № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в редакции 2023–2025 гг., статистические данные Судебного департамента при ВС РФ и Федресурса за 2022–2024 гг., судебная практика арбитражных судов, а также научные труды ведущих цивилистов (В.С. Белых, М.В. Телюкина и др.). Методологическая основа включает системный подход, формально-юридический, статистический и сравнительно-правовой методы.

Результаты исследования заключаются в следующем. Выявлен фундаментальный конфликт публично-частной природы статуса управляющего как первопричина системных дисфункций. Установлены четыре блока проблем: экономическая несостоятельность модели финансирования, дестимулирующая система вознаграждения, репрессивная практика привлечения к ответственности, неэффективность контроля со стороны СРО. Разработана трехкомпонентная модель реформы (законодательная, институциональная, технологическая), включающая дифференциацию процедур, трехуровневое вознаграждение, солидарную ответственность СРО и цифровую платформу «Банкротство 2.0».

В заключении отмечается, что преодоление кризиса требует парадигмального сдвига от ликвидационной к реабилитационной модели. Реализация предложенных мер позволит трансформировать арбитражного управляющего в эффективного профессионального антикризисного менеджера.

Ключевые слова: арбитражный управляющий, банкротство, правовой статус, саморегулируемая организация (СРО), субсидиарная ответственность, конфликт интересов, реформа законодательства, цифровизация.

© Удалова Е.В., 2026

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Удалова Е.В. Арбитражный управляющий в системе несостоятельности: системный кризис правового статуса и пути его преодоления // Вестник Поволжского института управления. 2026. Т. 26, № 2. С. 91–103. EDN: PDQTDY

Original article

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ARBITRATION MANAGER IN THE INSOLVENCY SYSTEM: SYSTEMIC CRISIS OF LEGAL STATUS AND WAYS TO OVERCOME IT

Evgeniya V. UDALOVA

Ural State University of Economics, Yekaterinburg
Saratov, Russia
evaffo@mail.ru

Abstract. The relevance of the topic is justified by the fact that the effectiveness of the bankruptcy institution in Russia directly depends on the activities of the arbitration administrator. With an unprecedented increase in the number of insolvency cases (more than 430,000 in 2023) and deep legislative reforms in 2023–2025, its legal status is experiencing a systemic crisis. The purpose of the study is a comprehensive analysis of the causes of the crisis in the legal status of the arbitration administrator in the context of an increasing number of bankruptcy cases and the development of a concept for its reform.

The research base of the study consists of Federal Law No. 127-FZ “On Insolvency (Bankruptcy)” as amended in 2023–2025, statistical data from the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation and the Federal Resource Service for 2022–2024, judicial practice of arbitration courts, as well as scientific works by leading civil scientists (Belykh V.S., Telyukina M.V., etc.). The methodological framework includes a systematic approach, formal legal, statistical and comparative legal methods.

The results of the study are as follows. A fundamental conflict of the public-private nature of the manager’s status has been identified as the root cause of systemic dysfunctions. Four sets of problems have been identified: the economic failure of the financing model, the disincentive remuneration system, the repressive practice of holding accountable, and the ineffectiveness of control by the SRO. A three-component reform model (legislative, institutional, technological) has been developed, including differentiation of procedures, three-level remuneration, joint and several liability of SRO and the digital platform “Bankruptcy 2.0”.

In conclusion, it is noted that overcoming the crisis requires a paradigm shift from a liquidation to a rehabilitation model. The implementation of the proposed measures will make it possible to transform the arbitration manager into an effective professional crisis manager.

Keywords: arbitration manager, bankruptcy, legal status, self-regulatory organization (SRO), subsidiary liability, conflict of interest, legislative reform, digitalization.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation. Udalova, E.V. K Arbitration Manager in the Insolvency System: Systemic Crisis of Legal Status and Ways to Overcome It // The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration. 2026. Vol. 26, № 2. P. 91–103. EDN: PDQTDY

Введение. Институт несостоятельности (банкротства) представляет собой один из наиболее сложных и социально значимых правовых механизмов современной рыночной экономики. Его задача заключается не только в справедливом распределении имущества несостоятельного должника, но и в обеспечении баланса между частными интересами кредиторов, публичными интересами государства и общества, а также в создании возможностей для восстановления платежеспособности должника. В российской правовой системе этот институт претерпел значительную эволюцию — от Закона РФ 1992 г., заложившего основы, через радикальные изменения 1998 и 2002 гг. до непрерывного потока корректировок в последнее десятилетие.

Центральной процессуальной фигурой, от эффективности действий которой в решающей степени зависит исход всего дела, является арбитражный управляющий. Его роль исторически трансформировалась от технического регистратора факта банкротства до ключевого субъекта, наделенного широкими полномочиями по управлению чужим имуществом, оспариванию сделок и даже установлению виновных лиц. Современный управляющий *de facto* сочетает в себе функции частного антикризисного менеджера, представителя кредиторов, распорядителя конкурсной массы и публичного администратора, ответственного за соблюдение императивных норм закона.

Актуальность настоящего исследования обусловлена наложением двух мощных и во многом противоречивых трендов, создающих критическую нагрузку на институт арбитражного управления. Во-первых, это устойчивый и беспрецедентный рост количества дел о банкротстве, который приобрел характер системного вызова. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2023 г. арбитражные суды приняли к производству 430 501 заявление о банкротстве, что на 100 611 дел (30,5%) больше, чем в 2022 г.¹ Данная динамика не является случайной: она отражает как последствия макроэкономических колебаний, так и целенаправленную политику законодателя по упрощению доступа к процедурам, особенно для физических лиц. Например, статистика по Свердловской области за II квартал 2025 г. демонстрирует рост числа возбужденных дел о внесудебном банкротстве

¹ Суддеп опубликовал статистику по банкротным делам за 2023 г. URL: <https://pravo.ru/news/252657>

граждан на 25,5% в сравнении с аналогичным периодом 2024 г.² Этот «взрывной» рост не только количественно увеличивает нагрузку на каждого управляющего, но и качественно меняет структуру его работы, смещая акцент в сторону массовых, нередко «безынициальных» дел, что требует иных компетенций и подходов.

Во-вторых, период 2023—2025 гг. ознаменовался исключительно интенсивной законодательной деятельностью, направленной на глубокую модернизацию законодательства о несостоятельности. Реформы затронули ключевые аспекты: развитие реабилитационных механизмов (увеличение максимального срока плана реструктуризации долгов граждан с трех до пяти лет), усиление социальных гарантий (новые механизмы сохранения единственного жилья), совершенствование инструментов реализации имущества (внедрение процедуры «торги-качели») и упрощение процедур для социально незащищенных категорий должников³. Законодатель таким образом стремится сделать институт банкротства более гибким, гуманным и ориентированным на восстановление.

Однако возникает фундаментальный парадокс. На фоне расширения полномочий и многократного усложнения профессиональных задач (управляющий теперь должен быть одновременно гибким переговорщиком, жестким контролером, эффективным менеджером и скрупулезным юристом) его собственное правовое и экономическое положение становится все более уязвимым и неустойчивым. Об этом свидетельствует ряд тревожных индикаторов: неуклонный рост числа судебных споров по оспариванию действий (бездействия) управляющих; учащающиеся случаи привлечения их как к административной, так и к субсидиарной ответственности на астрономические суммы; наконец, статистика, указывающая на низкую результативность многих процедур (например, в 97% дел о банкротстве граждан кредиторы не получают никаких выплат, что ставит под сомнение экономический смысл такой деятельности для управляющего)⁴.

Таким образом, налицо системный кризис правового статуса арбитражного управляющего, при котором возросшие ожидания общества и законодателя сталкиваются с архаичными институциональными ограничениями, экономически несостоятельной моделью финансирования и репрессивной правоприменительной практикой. Профессия из потенциально престижной и социально значимой стремительно превра-

² Литвиненко Ю. Свердловская область вошла в топ-5 регионов по числу личных банкротств. URL: <https://eanews.ru/ekaterinburg/20250714115957/sverdlovskaya-oblast-voshla-v-top-5-regionov-po-chislu-lichnyh-bankrotstv>

³ О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»: Федер. закон от 8 дек. 2023 г. № 542-ФЗ // СЗ РФ. 2023. № 50 (ч. I). Ст. 8754.

⁴ Годовой отчет Единого федерального реестра сведений о банкротстве за 2023 г. URL: <https://fedresurs.ru>

щается в крайне рискованную, малоприбыльную и потому непривлекательную для квалифицированных кадров. Целью настоящей статьи является проведение комплексного анализа причин этого кризиса и разработка целостной концепции реформирования статуса арбитражного управляющего, ориентированной на его трансформацию в эффективного «реабилитационного менеджера».

Исследовательскую базу работы базу составили три группы источников:

1. Нормативные правовые акты: Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 17 ноября 2025 г.), Федеральный закон от 8 декабря 2023 г. № 542-ФЗ, Кодекс РФ об административных правонарушениях (ст. 14.13).

2. Статистические данные и судебная практика: отчеты Единого федерального реестра сведений о банкротстве (Федресурс) за 2022–2024 гг., данные Судебного департамента при ВС РФ, мониторинги Минэкономразвития России, а также постановления арбитражных судов (включая дело № А40-310946/2019).

3. Научная литература: труды ведущих отечественных ученых в области конкурсного права [1–4], а также современные публикации по проблемам ответственности управляющих и цифровизации процедур банкротства [5–8].

Методологическую базу исследования составил комплекс общенаучных и частноправовых методов, применение которых позволило обеспечить всесторонность и достоверность анализа. Системный подход позволил рассмотреть статус арбитражного управляющего во взаимосвязи с другими элементами института банкротства (суд, кредиторы, СРО, государственные органы). Такой подход позволил выявить системные дисфункции, вызванные внутренней противоречивостью самого статуса. Формально-юридический метод применен для анализа норм Закона о банкротстве, определяющих правовое положение, полномочия и ответственность управляющего. Статистический метод использован для выявления объективных тенденций и количественной оценки кризиса (динамика дел, доля «безыμущественных» банкротств, численность управляющих).

Метод анализа судебной практики позволил выявить складывающиеся правоприменительные подходы к привлечению управляющих к ответственности.

Результаты исследования. Проведенный комплексный анализ позволил выявить и детально охарактеризовать четыре взаимосвязанных блока проблем, составляющих суть системного кризиса статуса арбитражного управляющего:

1. *Фундаментальный конфликт публично-частной природы статуса.*

Легальное определение арбитражного управляющего (ст. 2 Закона о банкротстве) фиксирует лишь формальные признаки. Доктринальное понимание раскрывает его как субъекта со смешанной, публично-частной правовой природой. Эта двойственность является не случайной, а системообразующей и проявляется на нескольких уровнях [7, с. 26].

С частно-правовой стороны управляющий действует в сфере частных интересов: заключает сделки по распоряжению имуществом, его вознаграждение определяется собранием кредиторов. С публично-правовой стороны он выступает как «офицер суда», ответственный за соблюдение императивных норм процедуры, защиту публичных интересов (сохранность активов, пополнение бюджета, противодействие преднамеренному банкротству).

Именно этот симбиоз порождает внутренний конфликт. От управляющего ожидают предприимчивых действий по изысканию активов (частная функция), но любое нестандартное решение может быть переквалифицировано как нарушение процедуры (публичная функция). Результат — доминирование «перестраховочного» поведения, когда управляющий предпочитает действовать по шаблону, минимизируя персональные риски в ущерб содержательному результату.

2. Экономическая несостоятельность модели: хроническое недофинансирование и конфликт интересов.

Для случаев, когда имущества должника недостаточно (характерно для 97% дел о банкротстве граждан), отсутствует гарантированный механизм финансирования расходов управляющего. Управляющий оказывается перед выбором: работать в убыток либо просить авансирование у кредиторов, что ставит его в экономическую зависимость. По данным опросов представителей Гильдии арбитражных управляющих в 2024 г., до 40% дел являются для управляющего убыточными.

3. Дисфункциональная система вознаграждения, пределов нагрузки и репрессивная ответственность.

Действующая модель вознаграждения (фиксированная сумма + процент от реализации) системно дестимулирует реабилитацию: управляющему экономически выгоднее инициировать ликвидацию, где появляются активы для продажи, чем вести сложную работу по финансовому оздоровлению.

Исследование Министерства юстиции РФ о деятельности СРО арбитражных управляющих за 2024 г. подтвердило, что отсутствие установленных законом ограничений на число параллельно рассматриваемых дел вкупе с крайне умеренным увеличением числа управляющих (с 10 287 в 2022 г. до 10 436 в 2024 г.) порождает избыточную нагрузку и ведет к поверхностному исполнению процедур. Практика право-

применения часто ориентирована не на установление реальной вины управляющих, а на привлечение их к ответственности за невыполнение поставленных задач либо за нарушение формальных требований.

Размеры субсидиарной ответственности, достигающие сотен миллионов рублей, значительно превосходят страховые пределы компенсации, превращая профессию управляющего в исключительно высокорисковую деятельность [9, с. 94].

4. Низкая эффективность системы контроля: кризис саморегулирования и формализм проверок.

Институт саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, задуманный в 2002 г. как краеугольный камень профессионального сообщества и гарант качества, во многом не оправдал возложенных ожиданий. Многие СРО де-факто трансформировались из инструментов жесткого внутреннего аудита и стандартизации в «клубы по интересам» и коммерческих поставщиков услуг обязательного страхования, обучения и обеспечения имущественной ответственности.

Причины институциональной неэффективности СРО носят системный характер:

- отсутствие солидарной (субсидиарной) ответственности СРО за действия своих членов, так как у организации нет прямого финансового стимула вкладывать ресурсы в глубокие, содержательные проверки и жесткую дисциплинарную практику, ибо все убытки, причиненные недобросовестным управляющим, ложатся на кредиторов и самого управляющего, а не на СРО, что порождает логику «количества, а не качества» членов;

- внутренний конфликт интересов: СРО экономически заинтересована в большем количестве платящих членские взносы членов. Строгое исключение из организации или частые крупные взыскания уменьшают ее доходную базу и могут привести к выходу других членов в более «лояльные» СРО, что создает давление в сторону мягкости дисциплинарных решений;

- преобладание формализма в проверках: контроль за наличием предусмотренных законом документов в деле приводит часто не к оценке содержательной, эффективной и экономически обоснованной работы управляющего, а «есть ли бумага» [10; 11].

Государственный контроль, осуществляемый Росреестром, также фокусируется преимущественно на выявлении формальных нарушений отчетности. Перегруженные арбитражные суды, несущие основную нагрузку по утверждению управляющих и рассмотрению их отчетов, физически не могут осуществлять оперативное и содержательное руководство каждой процедурой, ограничиваясь реагированием на жалобы участников. Система контроля распадается на фрагменты, ни один из

которых не обеспечивает целостного, профессионального и превентивного надзора за деятельностью ключевого субъекта банкротства.

Обсуждение результатов. Выявленный комплекс проблем носит не случайный, а закономерный и системный характер. Он является прямым следствием исходной теоретической конструкции статуса управляющего, основанной на внутренне противоречивом гибриде публичного и частного начала, и подкреплён экономически несостоятельной моделью его функционирования. По мнению А.С. Захарова, попытки «латания» системы путем точечных ужесточений ответственности, введения дополнительных отчетностей или цифровых сервисов без изменения базовой парадигмы не только не решают кризиса, но и усугубляют его, провоцируя дальнейший отток квалифицированных кадров и тотальный формализм оставшихся [12].

Исходя из изложенного, целесообразна всесторонняя реформа, базирующаяся на принципе синхронизированного и взаимодополняющего преобразования трех основных элементов: правовой базы, организационной структуры и технологий. Философским фундаментом такой концепции выступает переход от преобладающей ликвидационно-распределительной модели к восстановительно-реабилитационной. Следовательно, арбитражный управляющий должен трансформироваться из «надзирателя над упадком» предприятий в специалиста, способствующего их восстановлению и возрождению.

Концепция включает три взаимодополняющих блока мер:

1. Законодательные меры: дифференциация, специализация и новая модель мотивации — направлены на устранение ключевых законодательных противоречий и создание адекватных экономических стимулов.

1.1. Дифференциация процедур и обязательная специализация направлены на разделение всех дел о банкротстве на две категории, требующие разного подхода:

— *упрощенная процедура* для «безыμущественных» дел, когда роль управляющего минимизируется, вознаграждение выплачивается в виде гарантированного фиксированного тарифа (например, 30 тыс. рублей за дело) из фонда СРО, формируемого за счет отчислений от «имμущественных» дел;

— *полноценная процедура* для должников с активами, когда вводится обязательная специализация (корпоративные банкротства, стратегические предприятия, финансовые организации) с подтверждением квалификации.

1.2. Реформа системы вознаграждения. В Законе о банкротстве следует закрепить трехуровневую модель, радикально меняющую мотивацию управляющего:

— *базовый гарантированный тариф*, покрывающий операционные расходы (аренда офиса, помощники, ПО) и обеспечивающий экономическую безопасность управляющего на начальных, наиболее рискованных стадиях процедуры, выплачивается из фонда СРО или за счет первичных средств должника;

— *значительный бонус (премия за результат)*, выплачиваемый только при документально подтвержденном успешном завершении финансового оздоровления или внешнего управления с восстановлением платежеспособности; он должен составлять существенный процент (например, 5–10%) от сохраненной или восстановленной стоимости бизнеса, что создает мощный финансовый стимул к реабилитации, а не к ликвидации;

— *процент от суммы, реально возвращенной кредиторам в ходе конкурсного производства, сверх определенного законом минимума возврата*, что создаст прямую материальную заинтересованность в максимизации стоимости конкурсной массы через профессиональную организацию продаж, работу с «безнадежной» дебиторской задолженностью и активное оспаривание подозрительных сделок.

1.3. Введение лимитов нагрузки предполагает прямое установление предельного количества дел, которые один управляющий может вести одновременно, с жесткой дифференциацией по сложности (например, не более 3–5 полноценных корпоративных дел, или 10–15 дел о банкротстве среднего бизнеса, или 30–50 дел о банкротстве граждан (по упрощенной процедуре), что повысит качество проработки каждого дела, снижение ошибок и предотвратит профессиональное выгорание.

2. Институциональные реформы: усиление реального контроля и гуманизация ответственности нацелены на перестройку институтов, сопровождающих деятельность управляющего в сторону повышения качества их функционирования.

2.1. Введение солидарной субсидиарной ответственности СРО: при убытках, причиненных действиями члена СРО, и невыявлении СРО нарушений при проверке, вводится солидарная ответственность в пределах 10–20 млн рублей, что создает прямой финансовый стимул к качественному надзору [13].

2.2. Гуманизация подходов к административной и субсидиарной ответственности означает введение в КоАП РФ института предупреждения за первичные, незначительные нарушения, не повлекшие реального ущерба (опоздание с отчетом на 1–2 дня, опечатки). Акцент должен сместиться с карательных штрафов за формальные упущения на санкции за грубые нарушения, причинившие существенный вред: необеспечение сохранности имущества, сокрытие информации от кредиторов, очевидную недобросовестность.

В судебной практике по привлечению к субсидиарной ответственности по ст. 61.11—61.12 Закона о банкротстве необходимо отказаться от презумпции виновности управляющего и перейти к принципу доказывания реальной вины (умысла или грубой неосторожности). Ответственность должна наступать не за сам факт недостаточности имущества, а за конкретные, доказанные действия (бездействие), прямо приведшие к исчезновению активов.

2.3. Активная роль арбитражного суда. Следует установить в судебной практике и предложить рекомендацию высшим судам утвердить подход, согласно которому судья уже на первой стадии рассмотрения дела принимает подробный процессуальный график («дорожную карту») с обозначенными этапами контроля (например, завершение инвентаризации имущества, проведение первого собрания кредиторов, сроки представления отчетности). Далее судья активно отслеживает выполнение графика, применяя цифровые инструменты управления процессом, выступая в роли стратегического процессуального координатора, а не пассивного наблюдателя происходящих событий [14].

3. Технологическая трансформация: платформа «Банкротство 2.0» позволит использовать технологический потенциал для преодоления человеческого фактора, конфликта интересов и непрозрачности процедур, для чего необходимы разработка и внедрение единой государственной цифровой платформы, интегрирующей все этапы процедуры в сквозной digital-цикл [15].

3.1. Автоматизация стандартных процессов и обеспечение объективности на начальном этапе предоставят возможность предусматривать электронное представление всех ходатайств и документации. Центральным компонентом платформы станет механизм автоматического выбора арбитражного управляющего путем случайной жеребьевки из перечня квалифицированных профессионалов соответствующего направления (специалистов по корпоративным делам, физических лиц и др.). Выбор осуществляется с учетом текущего объема загруженности каждого кандидата и региона его основной деятельности. Такой подход ликвидирует возможность злоупотреблений, связанных с лоббизмом и коррупционными схемами назначения кандидатов, обеспечивая равномерное распределение нагрузки между специалистами. Отчеты арбитражных управляющих подлежат подаче исключительно в виде структурированной цифровой информации посредством данной платформы.

3.2. Цифровизация коллегиальных органов. Проведение заседаний кредиторов и собраний комитета кредиторов целесообразно осуществлять в специализированном защищенном видеоформате с применением технологии квалифицированной электронной подписи участников.

Система должна поддерживать прозрачные и проверяемые голосования в режиме реального времени, автоматически формировать протоколы решений и незамедлительно направлять их в судебные органы.

3.3. Прямая интеграция с рыночными площадками. Платформа должна иметь встроенный модуль организации электронных торгов, включая современные форматы («торги-качели», голландский аукцион), с автоматической публикацией лотов на всех крупных торговых площадках (СберАСТ, ЕТП РТС, МТС и др.) для максимального охвата аудитории и получения лучшей цены.

3.4. Внедрение аналитических инструментов на базе искусственного интеллекта. Платформа, интегрированная с данными ФНС, Росреестра, Банка России, должна предоставлять управляющему инструмент для автоматического предварительного анализа финансовых потоков должника за контролируемый период. Система сможет выявлять аномалии, цепочки связанных сделок, признаки преднамеренного банкротства, формируя для управляющего «цифрового помощника-аналитика» и существенно повышая эффективность работы на стадии проверки.

Ключевой принцип воплощения предложенной концепции заключается в синергии и единовременности мер. Финансирование само по себе не гарантирует успеха специализации, цифровизация без реформирования саморегулируемых организаций усугубляет недостатки существующей системы, а новая система вознаграждений без ограничения рабочей нагрузки стимулирует количество выполняемой работы, игнорируя качество исполнения. Комплексный подход ко внедрению всех трех компонентов способен разрушить замкнутый цикл проблем и сформировать современную, стабильную и высокоэффективную структуру.

Заключение. Проведенное исследование позволяет констатировать, что правовой статус арбитражного управляющего в России находится в точке бифуркации. Инерционный сценарий (дальнейшее ужесточение репрессивных мер при сохранении дисфункций) ведет к окончательной деградации института. Альтернативой является путь комплексной системной реформы, изложенный в данной статье.

Предлагаемые меры, включая разделение процедур банкротства, введение трехступенчатой схемы оплаты труда, солидарную ответственность саморегулируемых организаций, ограничение рабочей нагрузки и создание цифровой платформы «Банкротство 2.0», являются взаимосвязанными компонентами целостной концепции изменений. Реализация указанных предложений обеспечит преобразование фигуры арбитражного управляющего из подверженного риску и несправедливо обвиненного лица в эффективного, технически оснащенного

и финансово заинтересованного профессионала, специализирующегося на восстановлении жизнеспособности предприятий.

В долгосрочной перспективе успешная реформа способна превратить институт банкротства из инструмента постфактумной ликвидации в действенный механизм предупреждения кризисов, сохранения рабочих мест и оздоровления экономики, что соответствует стратегическим целям национального развития.

Список источников

1. Сушков И.С., Телюкина М.В. Тенденции и меры совершенствования некоторых механизмов защиты прав кредиторов в рамках дела о банкротстве // Образование и право. 2024. № 3 С. 382–387. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-3-382-387. EDN: IZKKFO
2. Белых В.С. Российское предпринимательское право. М: Проспект, 2022. 768 с. EDN: VGCCLG
3. Руднев В.О., Левицук В.В. Статус арбитражного управляющего в российском праве, 2024, № 4. С. 354–359. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-4-354-359 EDN: ZVFLJG
4. Мотькин Р.В., Мотькин В.Н. Особенности функционирования института арбитражного управления в кризисных условиях (региональный аспект) // Регионоведение. 2020. Т. 28, № 4 (113). С. 801–822. DOI: 10.15507/2413-1407.113.028.202004.801-822. EDN: JYCQXE
5. Яровой Д.О. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего: актуальные проблемы // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 2. С. 42–46. DOI: 10.22394/2686-7834-2021-2-42-46. EDN: UZPCRF
6. Юрина А.П. Некоторые вопросы цифровой трансформации российского правосудия // Актуальные проблемы частного и публичного права: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции (Волгоград, 27 окт. 2023 г.). Волгоград: Волгоградская академия МВД РФ, 2024. EDN: QXAOYT
7. Ермолаенко Т.О. Особенности правового регулирования деятельности антикризисного управляющего: проблемы соотношения норм гражданского, административного и арбитражного процессуального права // Актуальные проблемы юридической науки и практики: сборник трудов по материалам симпозиума (Ростов на Дону, 15–16 марта 2023 г.). Ростов н/Д, 2023. С. 24–30. EDN: DSCOLC
8. Чеча К.Е. Ответственность арбитражного управляющего: проблемы регулирования // Интернаука. 2021. № 8-4 (194). С. 12–13. EDN: AFILGM
9. Прохоров А.В. К вопросу о заинтересованности финансового управляющего при его утверждении в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2021. № 4 (50). С. 93–95. EDN: KZULDM
10. Коршунов П.Н. Роль саморегулируемых организаций арбитражных управляющих в осуществлении правосудия по делам о банкротстве // Юрист. 2020. № 3 С. 16–23. DOI: 10.18572/1812-3929-2020-3-16-23. EDN: ARUZA1
11. Крушевская М.В. Субсидиарная ответственность контролирующего должника лица: проблемы правореализации // Юрист. 2021. № 6. С. 41–43. DOI: 10.18572/1812-3929-2021-6-41-43. EDN: BUSCZG
12. Захаров А.С. Роль и процессуальная активность арбитражного управляющего

в деле о несостоятельности по российскому праву // Государственная служба и кадры. 2025. № 2. С. 140–144. DOI: 10.24412/2312-0444-2025-2-140-144. EDN: SGTZJE

13. Зейналова Л.М. Проблемные вопросы в деятельности арбитражных управляющих // Современные тенденции развития науки и образования: сборник научных трудов по материалам III ежегодной международной научно-практической конференции (Москва, 20–25 марта 2024 г.). М.: Московский психолого-социальный университет, 2024. С. 1133–1135. EDN WBINDQ

14. Тесис Д.Д. Механизмы обеспечения независимости арбитражного управляющего // Вестник арбитражной практики. 2021. № 6 (97). С. 90–96. EDN: FUMDUH

15. Назарова Н.А., Кусакин А.А. Особенности функционирования института арбитражных управляющих в России // Российский юридический журнал. 2022. № 3 (144), С. 87–96. DOI: 10.34076/20713797_2022_3_87. EDN: VSMICR

16. Мурашева Ю.А. Роль арбитражного управляющего в деле о банкротстве // Норма. Закон. Законодательство. Право: материалы XXVI Международной научно-практической конференции молодых ученых (Пермь, 5–6 апр. 2024 г.). Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2024. С. 121–124. EDN: KHVBBY

17. Кориунов П.Н. Роль саморегулируемых организаций арбитражных управляющих в осуществлении правосудия по делам о банкротстве // Юрист. 2020, № 3 С. 16–23. DOI: 10.18572/1812-3929-2020-3-16-23. EDN: ARUZAI

18. Захаров А.С. Современное состояние института публичной ответственности арбитражного управляющего // Бизнес и общество. 2024. № 3 (43). EDN: EVTCFX

19. Маляр В.И., Аксенова Е.А. Воздействие цифровых технологий на процесс автоматизации по делам несостоятельности (банкротства) // Стратегии бизнеса. 2022. Т. 10, № 3. С. 65–69. DOI: 10.17747/2311-7184-2022-3-65-69. EDN: QPCDYI

Сведения об авторе

УДАЛОВА Евгения Валерьевна,
магистрант кафедры
предпринимательского права
Уральский государственный
экономический университет
Екатеринбург, Россия
evaffo@mail.ru

Статья поступила в редакцию
11.01.2026

Одобрена после рецензирования
12.02.2026

Принята к публикации
25.03.2026

The author

Evgeniya V. UDALOVA,
Master's student
at the Department of Business Law
Ural State University of Economics
Yekaterinburg, Russia
evaffo@mail.ru

The article was submitted
11.01.2026

Approved after reviewing
12.02.2026

Accepted for publication
25.03.2026